

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

**Историко-
Библиографические
Исследования**

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

Вып. 8

**МАРИЯ ВАСИЛЬВНА МАШКОВА (1909—1997)
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Ц. И. Грин

Ум, талант, убежденность

Завершается двадцатое столетие. Уходят в небытие многие его современники. А их дела и дни становятся достоянием истории.

Что принес двадцатый век книжному и библиографическому делу России? Удалось ли сохранить в обстановке общественных потрясений лучшие традиции прошлого, в чем состояло движение вперед и насколько оно было радикальным, какие ценности предстоит передать будущему — на эти вопросы теперь есть возможность ответить, опираясь на исторический опыт целого столетия.

На рубеже двух эпох особенно остро ощущается потребность в создании коллективными усилиями капитального труда «История библиографии в России в XX веке». И если этот труд выйдет в свет (а в это хотелось бы верить), на его страницах непременно воскреснут имена библиографов, продолжавших в совершенно иных исторических условиях, чем это было прежде, подвижническое служение библиографии. И среди этих имен займет достойное место имя Марии Васильевны Машковой, библиографа и книжника, историка и теоретика библиографии.

Современница XX столетия, она прожила вместе со своим народом и страной нелегкую жизнь. Но сумела при этом сохранить верность демократическим убеждениям, возможно, берущим начало в народнических идеалах, верность нравственным принципам, суровым, но справедливым. И еще — Марию Васильевну отличала рыцарская преданность библиографии. Враг ремесленничества в науке, она относилась к занятиям библиографическим трудом как к процессу творческому, требующему самоотдачи и реализации личностных начал.

Взгляды М. В. Машковой, ее книги и статьи оказали столь заметное влияние на развитие историко-библиографической науки в СССР — России во второй половине XX столетия, что она уже при жизни была причислена к разряду выдающихся деятелей книговедения и библиографии¹. С М. В. Машковой можно было спорить, в чем-то и не соглашаться, но не замечать ее присутствия в науке было невозможно.

Около сорока лет М. В. Машкова прослужила в Публичной библиотеке (ныне — Российская национальная библиотека). Богатейшие книжные и рукописные фонды Библиотеки, присутствие среди библиотекарей многих выдающихся деятелей науки и культуры способствовали возникновению в стенах Библиотеки научных школ и направлений. Историко-библиографическая — берет свое начало от В. С. Сопикова. И, хотя в разные периоды истории Библиотеки, особенно в новейшее время, отношение к исторической науке было неоднозначным, мы можем утверждать, что существует историко-библиографическая школа Публичной библиотеки и что на развитие этой школы в современных условиях решающее влияние оказала М. В. Машкова. Создание библиографических трудов как постоянное направление деятельности Библиотеки сопровождалось стремлением осмыслить общественное назначение библиографии, проследить динамику ее движения во времени, степень воздействия библиографии на развитие образования, науки, культуры.

В работах М. В. Машковой затронут широкий круг методологических и теоретических проблем — предмет и назначение истории библиографии, исторический источник, его специфика в истории библиографии, источниковая база истории библиографии, проблемы книжного репертуара и их связь с развитием библиографии, история отраслевой науки и библиография, историческая преемственность в библиографии, исторический опыт и его влияние на развитие библиографии, ее перспективы.

Широта воззрений М. В. Машковой на историю библиографии, как нам представляется, во многом определялась теми возможностями, которые были заложены в Библиотеке, — самым крупным в России собранием книг на русском языке и языках народов СССР (М. В. Машкова исследовала также проблемы развития национальной книги и национальной библиографии), полной репертуара библиографических и справочных изданий.

Работа по комплектованию фондов Библиотеки отечественными изданиями, руководство рекаталогизацией старых книжных собраний на русском языке дали М. В. Машковой такое глубинное знание книжного репертуара России, каким, пожалуй, не обладал никакой другой историк библиографии в это время.

Знание книги, а не простая ее регистрация в библиографических пособиях — было одним из ее требований к своим ученикам.

Утверждая широту подхода к истории библиографии как части общегор историко-культурного процесса, М. В. Машкова четко при этом определяла особенности и специфику историко-библиографического исследования. Составитель и редактор многих библиографических работ, она в своих

исторических трудах опиралась, прежде всего, на анализ библиографических пособий, прослеживая внутреннюю связь явлений библиографической жизни.

Библиографическое источниковедение — фундамент истории библиографии, а библиографические пособия — ее строительный материал. И вместе с тем М. В. Машкова постоянно ратовала за широкое использование архивных и печатных источников, которые позволили бы раскрыть предисторию того или иного библиографического труда, оценить личность библиографа, его создателя, выявить воздействие на него общественной среды.

История библиографии — и этому принципу следовала неуклонно М. В. Машкова — должна быть «историей с человеческим лицом». Мирозрение библиографа, его общественные позиции, знание книжного репертуара, творческий почерк делают библиографические издания историко-культурным явлением.

При всей азбучности этих положений, как это очевидно сегодня, они утверждались в историко-библиографической науке не без сопротивления и борьбы, особенно когда речь заходила об утверждении принципа историзма в историко-библиографических исследованиях.

М. В. Машкова по натуре своей была борцом. Ее выступления в печати не раз служили началом дискуссий². А тем, кто слушал ее на научных конференциях и семинарах, безусловно запомнилась Машкова-полюмист, отстаивающая свои позиции непреклонно, но при этом аргументированно и убедительно. Если бы выстроить индекс цитирования теоретических высказываний современных историков библиографии, то, возможно, в определенные отрезки времени он был самым высоким у М. В. Машковой³. И, если сейчас полотно истории библиографии в XIX—XX столетиях представляется более многоцветным, чем это было ранее, в этом надо усмотреть благотворное влияние времени («Время дано»). Л. А. Везирова в своих заметках, которые публикуются в настоящем выпуске «Историко-библиографических исследований», напомнила нам, как труден был путь к читателю главного труда М. В. Машковой «История русской библиографии начала XX века. (До октября 1917 года)» (М., 1969), какими нелепыми с точки зрения здравого смысла могут быть домыслы тех, кто присвоил себе право «не пущать и запрещать».

Постоянные катаклизмы в обществе, режим массовых репрессий, который трагически отразился на судьбах многих книжников и библиографов, заставлял тревожиться о судьбе их литературного наследия, их архивов. М. В. Машкова была в числе первых, кто проявил заботу о розыске, учете и сохранности того, что еще не было расхищено, уничтожено, распро-

лено. Она неоднократно утверждала, что история библиографии должна базироваться на изучении не только печатных источников, но и архивных. М. В. Машкова, и это подтверждает публикуемая в сборнике статья «Историко-библиографическое значение личных архивных фондов советских библиографов» (1977), придавала чрезвычайное значение заботе о судьбе наследия библиографов.

Готовая всегда учиться, М. В. Машкова ценила это и в своих учениках. И еще она учила преданности своим учителям — тем, кто представлял историко-библиографическую науку в России в предшествующие десятилетия, и тем, с кем она имела счастье общаться непосредственно. Обращение к трудам Н. В. Здобнова, которого М. В. Машкова особенно почитала, помогает найти многие корни того, что она исповедовала и чему следовала в своих историко-библиографических исследованиях.

Столь же уважительным было отношение М. В. Машковой и к П. Н. Беркову. Публикуемый М. Д. Эльзоном текст вступительной статьи П. Н. Беркова к книге Машковой «Н. В. Здобнов» созвучен и мыслям М. В. Машковой о необходимости бережного отношения к архивам библиографов, их рукописям и переписке, к их картотекам. Годы войн и революций нанесли существенный ущерб источниковой базе истории библиографии, утрачено многое из того, что помогло бы создать портреты тех, кто служил книге и библиографии.

О том, насколько актуальны и сегодня призывы беречь историческую память, свидетельствуют сравнительно недавнее обращение журнала «Советская библиография» (ныне — «Библиография») к проблеме создания свода личных фондов деятелей библиографии и практически шаги, которые были к этому журналом предприняты⁴. Предварительный список личных архивных фондов и коллекций библиографов, находящихся в хранилищах России, позволяет найти многие резервы для создания теперь полнокровной истории библиографии, свободной от цензурных пут и ограничений.

Родившись в Тамбове, М. В. Машкова навсегда сохранила привязанность к провинциальной России. Но со студенческих лет ее жизнь связана с Петербургом — Ленинградом. Получив университетское образование в 1920-е гг. и избрав своей профессией работу с книгой, М. В. Машкова унаследовала многие качества русской интеллигенции — демократичность взглядов, основательность и широту воззрений, образованность, уважение к знаниям и опыту предшественников. Студенческий быт — полуголодный (Машкова подрабатывала на разгрузочных работах в порту), но такой насыщенный спорами, дискуссиями, участием в литературных вечерах, походами в театр, — дал Машковой многое, что она взяла с собой «на всю оставшу-

юся жизнь». И среди этого — дружбу с Ольгой Берггольц, Николаем Молчановым, Борисом Корниловым. В своем стремлении познать причины наших неудач, наших бед, мы стали историей двадцатых годов рисовать одной черной краской, а между тем многие люди, которыми сейчас гордится уходящий в историю двадцатый век, именно в 1920-е гг. стали личностями, чьи убеждения и нравственные принципы заслуживают уважения.

Все, кому посчастливилось общаться с М. В. Машковой, запомнили трезвость ее ума, остроту и нешаблонность суждений, живость восприятия всех новых явлений литературы, искусства, политики. Внешне суровая, она обладала великолепным чувством юмора, иногда несколько мрачноватым, когда речь заходила о ней самой. Общение с Марией Васильевной всегда обогащало, не позволяло опускаться только до уровня повседневности.

Записи из блокадного дневника М. В. Машковой, которые опубликованы в год пятидесятилетия со дня окончания Великой Отечественной войны, стали одним из самых правдивых свидетельств того, что пришлось пережить ленинградцам в годы блокады⁵. И, как летописец, Мария Васильевна могла повторить слова самого близкого своего друга, Ольги Берггольц, — «дыша одним дыханием с Ленинградом, я не героизмовала, а жила».

Жизнь не раз испытывала Марию Васильевну на прочность, заставляла разочаровываться. Но она верила в возможность демократического переустройства России, и, хотя в реальной жизни многое оказалось иным, она огорчалась, но не брюзжала, не испытывала ностальгии по прошлому. Незаурядный характер ее личности проявлялся постоянно, и общение с ней заставляло людей вести себя строже. Человек требовательный, она никогда не путала требовательность с придирчивостью, принципиальность с узостью взглядов и суждений. Ей абсолютно было чуждо интриганство, с которым она боролась в меру своих возможностей и сил и тяжесть которого ей не раз приходилось испытывать на себе. Это приводило к потере для творчества многих лет жизни.

М. В. Машковой, вопреки всем жизненным препятствиям, удалось сделать многое в библиографии, в осмыслении ее исторического опыта.

И, прощаясь с веком уходящим, надо сполна воздать должное тем книжникам и библиографам, которые помогли закрепить в памяти новых поколений репутацию XX столетия как века не только «площадей» (М. Цветаева), но и высокой книжной культуры, века духовности, существовавшей и развивавшейся наперекор «умственным плотинам», которые воздвигались на ее пути. Жизнеописание М. В. Машковой должно занять почетное место в серии «Деятели Российской национальной библиотеки», а ее заслуги перед

историко-библиографической наукой должны быть обобщены в особом труде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гудовщикова И. В. Мария Васильевна Машкова: (К 75-летию со дня рождения) // Сов. библиогр. 1984. № 3. С. 40—50; Ее же. Мария Васильевна Машкова — библиограф, книговед, историк библиографии // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1990. Вып. 1. С. 162—174; Михеева Г. В. Мария Васильевна Машкова // Кн. дело. 1993. № 4. С. 62—64; Ее же. М. В. Машкова — историограф библиографии: (К 85-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 165—169.

² Машкова М. В. Вопросы теории и истории библиографии в учебнике «Общая библиография» // Сов. библиогр. 1958. Вып. 52. С. 41—56; Ее же. Изучение истории дореволюционной и советской библиографии в Советском Союзе // Сов. библиогр. 1973. № 3. С. 3—23.

³ На это внимание обратила И. В. Гудовщикова, отметив влияние, которое оказала рецензия М. В. Машковой на учебник «Общая библиография» на формирование взглядов историков библиографии во 2-й половине 1950-х гг. (Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. / ГПБ. Л., 1990. Вып. 1. С. 164).

⁴ Сов. библиогр. 1988. № 4. С. 93—94.

⁵ Машкова М. В. Из блокадных записей / Вступ. ст. Ц. И. Грин // В память ушедших и во славу живущих: Дневники. Воспоминания. Письма. СПб., 1995. С. 34—146; В память ушедших и во славу живущих: Хроника событий: 22 июня 1941 — 9 мая 1945. СПб., 1995. 524 с.